

СЕРЬЕЗНАЯ КОМЕДИЯ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЕАТР НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ. НИКОЛАЙ ЭРДМАН. «САМОУБИЙЦА». СЦЕНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ, ОФОРМЛЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ВЛАДИМИРА ВОРОБЬЕВА.

Стойкий интерес одесских зрителей к театральной жизни наших столиц на сей раз был подкреплен еще не ослабевшим вниманием к студийному движению и творческому лицу вновь созданных театров. На одесской сцене гастролирует один из самых молодых театральных коллективов Ленинграда, история которого началась лишь восемь месяцев тому назад.

Свои гастроли гости с Васильевского острова открыли тем спектаклем, которым они дебютировали в декабре 1987 года, — комедией Николая Эрдымана «Самоубийца». Написанная в ту же пору, что и «Баня» В. Маяковского, эта пьеса заинтересовала тогда Художественный театр и театр Мейерхольда, однако была запрещена к представлению и пролежала под спудом более полувека. Решение молодого творческого коллектива участвовать в сценическом возрождении заново открытого литературного произведения достойно всяческого уважения.

Как же интерпретируют ленинградцы историю мнимого самоубийства безработного обывателя Семена Подсекальникова?

Постановщик спектакля, главный режиссер театра В. Л. Воробьев предложил свою сценическую редакцию пьесы Н. Эрдымана. Думается, не следует в самом акте прикосновения к чужому тексту видеть

некий криминал: ведь в проблематике и художественном решении комедии, создававшейся в конце 1920-х годов, отнюдь не все может быть созвучно жгучим вопросам нашего времени и интересно современному зрителю. Постановщик и труппа имеют право вносить в текст некоторые сокращения или перестановки; вопрос в том, как они этим правом воспользовались.

У режиссера и большинства артистов очевидны природный вкус и тяга к комедии. «Заряжен» на комедию исполнитель главной роли А. Шевелев, то же самое можно сказать о Т. Балтушевич, задорно играющей тещу Подсекальникова, и некоторых других актерах. Многие комедийные эпизоды выстроены режиссером выразительно, с четкой установкой на смеховую реакцию зала. При этом В. Воробьев нередко уходит от бытовой комедийности, присущей произведению Н. Эрдымана, и привносит в спектакль эксцентрику. Так, Подсекальников выменивает револьвер не за бритву из шведской стали (как в пьесе), а на... боевую саблю, с которой актер продельзывает неожиданные пантомимические номера. Сабля эта, как и револьвер, свешивается откуда-то сверху. Ночная рубаша и траурный костюм заведующего тиром Калабушкина (арт. В. Доронин) украшены офицерскими аксельбантами и т. п.

Эффект подобных нововведений странен и парадоксален: эксцентрика ради эксцентрики способна лишь усилить бытовой и отвлекать внимание зрителя от главного. К примеру, постановщик и актеры демонстрируют немалую изобре-

тательность в эпизоде с «бейным басом», но помогают ли эти трюки пробиться к мысли, питающей комедийный конфликт?

Стремясь приблизить мир комедии Н. Эрдымана к сегодняшней действительности, постановщик спектакля прибегает в ряде случаев к подчеркнутой актуализации. Здесь и майка с иноязычной транслитерацией фамилии владельца, и звуки футбольного марша М. Блантера, и в ответ на простой вопрос «Который час?» — пространное сообщение о времени для всех временных поясов. Входятся также добавления за счет собственного авторского текста и способствуют разрушению целостного строя речи персонажей. А ведь именно в речевой манере Подсекальникова и его окружения в значительной мере заложена мудрость пьесы и ее художественная привлекательность. Понесенные театром потери никак не компенсируются грубоватыми намеками на современные реалии.

Драматург назвал свою пьесу «комедией». Театр выбрал другое жанровое определение — «трагическая комедия». Это рождает ассоциацию с аналогичным — «прежалостная комедия»: так называли разыгрываемую ими пьесу шекспировские ремесленники из комедии «Сон в летнюю ночь». Впрочем, там такое словосочетание преследовало лишь одну цель — вызвать смех. В рецензируемом же спектакле слово «трагическая» введено в подзаголовок как будто совсем с иной целью.

Доказательством тому может служить хотя бы использование музыки Д. Шостаковича.

На трагической ноте решается композиционное обрамление спектакля: женщина со свечкой в руке, стоя среди не то спящих, не то уснувших, произносит изъятую из пьесы фразу: «Платим-платим, чиним-чиним, а света нет». Здесь может быть найден ключ к пониманию пафоса всего спектакля, если сам он совершенно определенно соотносится с таким обрамлением.

Поставленный В. Воробьевым спектакль содержит только намеки на трагический аспект представленной истории. Согласимся, что в бытовой комедии обнаружить его нелегко: ведь не состоялось же самоубийство Подсекальникова. Правда, в финале пьесы Н. Эрдымана один из персонажей сообщает том, что застрелился Федя Питунин, несколько раз упоминаемый в пьесе, но на сцене так и не появляющийся. Где-то за сценой произошла трагедия, созревшая в условиях того же времени, но ее отголоска в спектакле ленинградцев не прозвучало. Сыгранное же в финальной сцене самоубийство маловыразительного глухонемого племянника может быть прочитано как шарж, снимающий с показанной истории всякие подозрения в серьезности.

Между тем серьезная комедия Н. Эрдымана и сегодня дает пищу для размышлений. О чем? Хотя бы о живучести и многоликости мещанства. На «самоубийстве» Подсекальникова хотят сыграть люди разных профессий и сословий, объединенные одним — заботой о собственном чреве. В демагогии каждого из них можно узнать многие тенденции, проросшие из той эпохи в по-

следующие времена. Это и пустословие «интеллигента» Гранд-Скубика (духовного собрата Васисуалия Лоханкина), и квасной патриотизм бездарного писателя, и цинизм ни во что не верующего священника, и невежество выбивающегося в литераторы курьера Егорушки, щеголяющего «научной точкой зрения»... В сцене гражданской панихиды по Подсекальникову актерам театра, пожалуй, не стоило увлекаться пафосированием. Не лучше было бы поискать в тирадах своих персонажей тот общий, цементирующий смысл, который позволяет сегодня воспринять весь их сонм как одну сторону медали, тогда как обратная сторона пунктирно обозначена в мифическом образе «самого главного», которого слышит лишь один звонящий в Кремль Подсекальников?

Театру на Васильевском острове, на мой взгляд, не хватило четкой концептуальности в подходе к интересному материалу, но искренность помыслов сомнений не вызывает. Обращение к нелегкому произведению наверняка позволило новорожденному коллективу скорректировать свою творческую программу. Заинтересованный же зритель, посмотрев спектакль, возможно, обратится к опубликованному тексту комедии Н. Эрдымана и поразмышляет о таланте драматурга, о судьбах пьес, о связи времен.

Марк СОКОЛЯНСКИЙ,
Доктор филологических наук, профессор.

Гонорар прошу перечислить на счет 700454 [в фонд создания мемориала жертвам сталинских репрессий].